

ЦЕНТР БЕЗОПАСНОСТИ

день

КТО

Продолжение. Начало — на стр. 1

ТЕ, КТО ЗАНИМАЕТ принципиальную позицию по вопросу ислама в Европе, получают удары с двух сторон: от исламистов и от мигрантофилов-мультикультурастов. Удары в прямом смысле: так, в Нидерландах были убиты Пит Фонтейн и Тео Ван Гог; немало угроз получила Ориана Фалаччи. В той же Германии критики салафитов, например Хамед Абдель-Самад, вынуждены жить под защитой полиции.

В идеальном поле удары по критикам мультикультурализма наносятся по двум линиям. Первая — "тирания вины!". Сторонники Мультикультурализма изображают доколониальный мир Азии, Африки и доколумбовой Америки как рай, в который вторглись злодеи. Их захостический тезис — европейцы должны каяться за свои завоевания и колониализм. Здесь сразу же возникает вопрос: а арабы и турки не должны каяться за завоевания в Европе, за работорговлю?

Смягчённая версия этой линии — стремление резко повысить оценку значения арабской культуры (и для) истории Европы и представить мусульманские халифаты Андалузии в качестве мира толерантности и прогресса науки. В таком подходе много натяжек и лжи, на которые обратила внимание французский медиевист Сильвия Гугенхайм. В одном из своих эссе она показала, что древнегреческие тексты спасали действительно арабы, но вовсе не мусульмане, не знавшие древнегреческого языка, а сирийские христиане. На Гугенхайм тут же обрушился вал критики, её обвинили в исламофобии. Впрочем, реальных аргументов её оппоненты не привели, а вот она убедительно продемонстрировала сомнительность ряда трусливых и фальшивых схем, призванных обеспечить историческое обоснование мультикультурализма.

Вторая линия подавления противников — попытка провести аналогию между спасением мигрантов и спасением евреев и, соответственно, между негативным отношением к мигрантам и антисемитизмом. Здесь, однако, мигрантофилы попадают впросак. Дело в том, что, как было показано выше, повсюду в Европе, прежде всего во Франции, в связи с увеличением числа мигрантов растёт антисемитизм. Но даже это не останавливает сторонников насильного внедрения мультикультурализма и мультиэтничности. В чём же дело?

УРАЗВИТИЯ МУЛЬТИЭТНИЧНОСТИ несколько причин. Первая по счёту (но не по значению) причина носит тактический характер — это неспособность западноевропейских правительств, Евросоюза решить проблему, даже если такое желание было бы. Когда атлантистская верхушка Евросоюза поняла, что иммигранты не собираются возвращаться в свои страны и к тому же бóльшая и всё увеличивающаяся их часть интегрироваться в европейское общество не спешит, они попытались убедить европейцев, что Европа и должна превратиться в мультиэтническое, мультикультурное общество — и это хорошо. За этой позицией — неспособность правительств повернуть вспять процесс иммиграции, неспособность защитить своих граждан от мигрантов, нежелание сознаться в своих ошибках: ведь тогда придётся их исправлять. Как вынуждена была признать активная сторонница иммиграции, член правительства лейбористов Сара Спенсер, "... не было никакой политики интеграции (специальной) политики интеграции мигрантов. — **А.Ф.** Мы просто верили, что они интегрируются". Читайте такое и вспоминается восточная поговорка: "Диво-бания: там и тут воду решатами льют, дабродер у них верблюд". Вот только распливчатся за действия "верблюдов" и "козлов" в человеческом обличии приходится рядовым европейским гражданам.

Вторая причина курса атлантистских элит на создание мультиэтнического общества — классовая. Повышение рождаемости в "старой Европе" требует повышения уровня жизни нижней половины европейского населения. Однако именно понижение этого уровня является сутью проводящегося с 1980-х годов экономического курса неолиберализма, который есть не что иное как сверхэксплуататорская фаза глобального финансового либерализма.

Повышение уровня жизни коренных европейцев нижней и нижнесредней половины социума предполагает определённое перераспределение доходов в пользу нижней половины общества, как это имело место в 1945—1975 гг., которые во Франции с лёгкой руки социолога и футуролога Жана Фурастье именуют "les trentes glorieuses" — "славными тридцатилетием". Однако вся социально-экономическая политика в Европе последних — неслыханных — сорока лет была направлена на изменение этой ситуации, на перераспределение в пользу верхов, на усиление эксплуатации, на рост неравенства.

Чтобы обеспечить более высокий уровень дохода и рождаемости европейцев, нужны не косметические, а реальные социальные реформы, на которые необузванная после сорока "жирных" для неё лет ни за что не пойдёт. Когда в конце 1930-х годов американский капиталистический класс оказался перед выбором: "социальные реформы с частичным перераспределением дохода в пользу низов или мировая война", — он выбрал мировую войну. Символично, что Франклин Рузвельт начал употреблять термин "мировая война" на полгода раньше Гитлера. Ну а в самой Америке человека, который призывал к перераспределению доходов и создал по всей стране "Общества перераспределения собственности" (в них вступило 8 млн человек), в 1935 г. убили — как это водится в США, руками не вполне адекватного одиночки. Создатель сети "Обществ..." — губернатор штата Луизиана Хью Лонг (он стал прототипом губернатора Вилли Старка — главного героя романа Роберта Пенна Уоррена "Вся королевская рать") — был реальной угрозой для Рузвельта на президентских выборах 1936 г.

В сухом остатке: буржуазия скорее выберет войну, чем подпитает собственность. В виде иммиграционной политики Евросоюза мы имеем по сути социальную войну верхов против собственных народов. Легче пригласить чужих мигрантов, разлагающих цивилизацию и общество, его этнический состав, чем пойти на встречу своим работягам и нижней части "милдов". К тому же миграция решает ещё одну задачу: создаёт слой, принимающий на себя социальное раздражение и в свою очередь гасящий его своим агрессивным поведением. Так мигранты становятся дополнительным небелым классовым оружием, позволяющим атлантистам держать в узде своё же белое население: классовое для капитала важнее этническое и культурное.

При этом с точки зрения политэкономии необходимо различать неработающих беженцев и тех мигрантов, которые работают, т.е. подвергаются эксплуатации: турки и курды в Германии, арабы и африканцы во Франции, пакистанцы и арабы в Великобритании и т.д. Их

эксплуатация — это эксплуатация центром капитистемы его периферии, причём в самом этом центре. Эта эксплуатация играет большую роль как для центра и периферии, так и для капитистемы в целом.

Начнём с периферии. Для неё, точнее для её господствующих квази/необуружаемых олигархий наличие мигрантов, трудящихся за рубежом, решает две проблемы. Во-первых, на работу на Север из стран Юга уезжают наиболее активные, решительные, самостоятельные мужчины, т.е. лица с субъектным потенциалом, способные к борьбе за свои права. Их отъезд явно снижает и давление на верхушки, и социальное-политическое напряжение. Во-вторых, присылаемая мигрантами на родину часть заработка (иногда она достигает 20—30% ВВП их родной страны) позволяет значительной части оставшегося населения выживать, что снижает их готовность к активному сопротивлению, к социальной (классовой) борьбе. Безусловно, это работает на воспроизводство существующих на Юге структур с кланово-олигархическими режимами бандитско-паразитического типа. Особенно ярко это проявляется в странах так называемой Франсафрики, которая характеризуется теснейшей связью французского капитала и госбюрократии с правящими группами бывших колоний Франции.

Одновременно мигранты решают важные задачи для воспроизводства кланово-олигархических плутократий Постзапада. Во-первых, будучи готовы на низ-

Андрей ФУРСОВ

ЗЛОВЕЩИЕ «МУЛЬТИ-КУЛЬТИ»

О расовых, культурных и религиозных изменениях в Старом Свете

кооплачиваемый труд в значительно большей степени, чем западноевропейцы (или североамериканцы, если речь идёт о США), мигранты вытесняют нижние и нижнесредние слои из занимаемых теми экономических ниш. Обладая значительно менее развитым классовым сознанием и будучи вынужденными в новых условиях опираться на неклассовые (община, клан, племя, каста) формы организации и взаимопомощи, мигранты в качестве эксплуатируемых, по сути, покидают зону классовой (в строгом смысле слова) борьбы с эксплуататорами. Более того, своего главного антагониста они видят в белых европейцах нижнего, нижнесреднего и рабочего слоёв, а эти последние начинают апеллировать к политике правого толка и поддерживать их ("поправение" индустриальных рабочих в развитых странах, поддержка "ржавым поясом" Трампа на президентских выборах США 2016 г. и т.д.). Поэтому, во-вторых, место классовой борьбы в нижней части пирамиды занимает борьба на расово-этнической, этнорелигиозной основе, а нижний и рабочий классы раскалываются по этническому признаку и утрачивают многие классовые характеристики, прежде всего — классовое сознание и классовую солидарность. И это опять же усиливает позиции верхов и позволяет им перенаправить классовый, социальный протест в иное русло.

И ещё один момент. Если на периферии капитистемы, на Юге, отток мигрантов позволяет существовать и воспроизводиться самым диким футуроархаическим режимам, неспособным к какому-либо развитию, консервирует их, то в центре капитистемы, на Севере, приток мигрантов позволяет необуружизии финансовализованного капитализма, и так-то не ориентированного на научно-технический прогресс, не очень беспокоиться о последнем: дешёвая рабочая сила, этот прогресс тормозящая, во многом компенсирует его. Позднее Риму не нужны были машины — всё делали рабы. Более того, машины были угрозой системе, и техническое развитие, по сути, было блокировано. И тогда вместо машин пришли варвары.

РФ не является темой данной статьи — это отдельный вопрос. Здесь ограничусь констатацией лишь того факта, что эксплуатация природы в качестве сырьёвого придатка центра, ядра капитистемы, с одной стороны, и эксплуатация мигрантов из Молдавии, Грузии, стран Средней Азии, позволяет необуружизии РФ не думать о научно-техническом рыжке и в то же время не опасаться роста классовых форм сопротивления трудящихся. Правда, расплата в результате истощения советского наследия вкупе с резким усилением внешнего давления может стать фатальной. Впрочем, какие верхи в закатные эпохи думают о будущем? Достаточно вспомнить царскую Россию начала XX в., с её "олигархизацией самодержавия" (Н.Е. Врангеля) и ситуацией, когда "прохвосты решительно на всех государтвенных ступенях брали верх" (Н.П. Карачевский). Но вернёмся к Постзападу.

Его хозяева в плане погашения, ослабления классовой борьбы делают ставку на мигрантов, и им плевать на такие возможные последствия как цивилизационное убиство/самоубийство, вымирание белой расы и т.п. Однако такой подход, решая краткосрочные проблемы, создаёт нерешаемые проблемы даже не долгосрочного, а среднесрочного порядка. Поясно примером из нашей истории. Российские власти провели в 1861 г., удавившую и по крестьянине, и по помещикам, отмену крепостного состояния таким образом, чтобы избежать в России революции европейского типа и продлить жизнь самодержавию. Жизнь эту продлили — на 66 лет (причём последние 15—16 лет это была агония), революции европейского типа избежали. Но не избежали, а самой реформой и всем пореформенным развитием подготовили революцию российской типа, покончившую и с самодержавием, и с конкретным самодержцем.

Мораль: историю обмануть можно, но ненадолго и с последующим жестоким наказанием.

Снижая классовый характер эксплуатируемых, раскалывая их по расово-этническому принципу ("фрагментация общества", которой так рады многие западные социологи), финансовализованная буржуазия вместо рабочего класса создаёт огромный слой "прекариата", низов, "андеркласс", весьма напоминающий по своему положению и характеристикам стадиально предшествующие в Западной Европе пролетариату низы. Речь идёт о так называемых "опасных классах" (1750—1850-е гг.), социальные взрывы которых сотрясали Европу в первой половине XIX в.: от Французской революции 1789—1799 гг. до общеевропейской революции 1848—1849 г.

Вовсе не пролетариат, а допролетарские "опасные классы" были той ударной силой, которая крушила Старый Порядок. После того, как "опасные классы" были одомашнены и интегрированы в систему индустриального производства и национальных государств, классовая борьба стала стабилизатором Западной Европы.

Сегодня, когда финансовализованный глобальный капитализм не нуждается ни в национальном государстве, ни в индустриальном производстве, он депролетаризировал трудящихся, в том числе и путём этнизации рабочей силы в ядре капитистемы, и тем са-

мым воссоздаёт ситуацию "опасных классов", превращает пролетариат в капиталистическом смысле слова в пролетариат римского, антично-рабовладельческого типа. Вот только нынешние "опасные классы" намного опаснее для Европы, чем прежние, поскольку представлены расово, этнически и религиозно чуждым европейцам типом, противостоящим не только капиталу, но и цивилизации.

Постзападным верхам удалось избежать классовой революции западного типа. Однако они сами создали социальный динамит для принципиально иного социального взрыва — тотального бунта низов, "андеркласс", где классовое смешано с расовым и этническим, что в перспективе чревато намного большей кровью, чем классово-пролетарские революции Запада с их уважением к собственности и культуре. С помощью труда мигрантов кланово-олигархические режимы покупают себе дополнительное время жизни — без развития. В такой ситуации проект будущего как такового невозможен, здесь только одно — вперёд, в прошлое. Расплывчатость за это придётся их детям и внукам, которые столкнутся с этим прошлым — с ситуацией, описанной Арнольдом Тойнби как разрушительный, всё сметающий бунт союза внутреннего и внешнего пролетариата (в римском смысле) против системы, на месте которой возникло нечто футуроархаическое. Вспомним, как в одной из пьес Фридриха Дюрренматта германцы входят в Рим с транспарантами "Долой раб-

«Младоевропейцы» уверенно смотрят в будущее.

ство! Да здравствует свобода и крепостное право!". И их приветствует римский "андеркласс".

Одна из целей мультикультурализма — создание массового "андеркласса", лишённого национальных корней и национальной культуры, а потому легко поддающегося манипуляции, не способного на сопротивление и борьбу. Поэтому, несмотря на кризис, на растущее недовольство населения, атлантистские верхушки ЕС готовы к тому, что выйдут как дальнейшая капитуляция перед мигрантами-мусульманами, — вплоть до полной сдачи европейской идентичности (эта сдача является средством достижения и иных целей), веры и даже того, на чём всегда строился Запад, — права.

В 2016 г. министр финансов ФРГ Вольфганг Шойбле призвал к созданию "немецкого ислама". Ещё дальше (причём десятилетиями раньше) пошёл голландский министр юстиции Питт Хайн Доннер. Он заявил, что если мусульмане, когда они станут большинством, захотят поменять законы Нидерландов на шариат демократическим путём, то они смогут сделать это. Ну а то, что мусульмане станут большинством в Европе — вопрос времени, времени жизни двух-трёх поколений.

25 апреля 2016 г. министр юстиции Бельгии (в этой стране 700 тыс. мусульман, причём их марокканская часть живёт практически в центре Брюсселя) Козя Гинс, выступая в Европарламенте, заявил: скоро мусульмане численно превзойдут европейцев, "Европа не осознаёт это, но это реальность". Однако дальшие такой констатации не идут, не осмеливаясь поставить вопрос: а что дальше? Подобно Шляпнику из "Алисы в стране чудес" европейские высокопоставленные клерки бормочут что-то вроде "ой, об этом не будем". А ведь ещё в 1974 г. на сессии Генассамблеи ООН президент Алихара Хуари Бумеджен откровенно объяснил европейцам, что дальше и какая судьба их ожидает: "Однажды, — сказал он, — миллионы людей покинут Южную полушарие этой планеты, чтобы вернуться в Северное. Но не как друзья. Потому что они ворвутся, чтобы завоевывать, и они завоеуют это полушарие своими детьми. Победа придёт к нам из маток наших женщин". С тех пор прошло почти полвека, к внешним мигрантам из Азии и Африки добавились криминальные внутриевропейские: албанцы, румынские и болгарские цыгане, — и ситуация ухудшается. Как говорится, кто не спит, тот видит. Но европейцы не хотят видеть. Как сказал Каландар: "Глухой пингвин робко прятает тело жаркое в утёсах". Сергей Хелемендик ещё в 2003 г. указался по этому поводу резко, но верно: "Наши упитанные европейские братья уже всё просрали!". Это заключение я повторял много раз, гуляя по главному франкфуртскому бульвару под названием "Цайтл". Они уже закончили своё существование в истории, их уже нет. Пока они сидят в своих банках и считают хрустящие бумажки, их улицами овладели заторможенные от многовекового пещерного инцеста албанцы, счастливые от возможности развить наконец свою не в меру густую кровь... <...> Наши упитанные европейские друзья обожались без своего Горби и даже без перестройки. Вавилонское смешение народов на улицах их городов только начинается. Они не понимают пока, что случилось. И уж совсем не понимают, что никакие демократических или хотя бы мирных решений слушаться не имеет. <...> Вот и всё, вот и обещанный закат Европы".

Некоторые исследователи — и здесь мы подходим к третьей причине — объясняют такую "слепоту" европейцев социокультурными факторами, культурной деменцией, старостью социума и этносов, завершающей стадией системного развития с характерными для неё изменениями социальной психологии, включая неспособность защищать своей дом. Короче говоря, варвары рушат стареющую и слабеющую империю. Рассмотрим

эту аргументацию. Немцев исследователи называют "усталыми от истории" ("Geschichtsmüde"). В общеевропейском плане отмечается тот факт, что две мировые войны скомпрометировали не только национализм, но и патриотизм — эту точку зрения развивал в книге "Ни Иисус, ни Маркс" Жан-Франсуа Ревель. Здесь, однако, сразу же возникают вопросы: почему усталость от истории испытывают западные немцы, а восточные, бывшие гадзоровцы, — нет?

Действительно, по поводу нынешних западноевропейцев, имеющих к готическим храмам и ренессансным дворцам такое же отношение, как нынешние арабы — к пирамидам и Сфинксу, можно сказать словами одного из героев романа Жан-Кристофа Гранже: "Новые поколения, унаследовавшие не силу предков, а, напротив, накопившуюся тяжкую усталость; общество, которое наконец расслабилось, заражённое западной расхлябанностью" (одним из наследий 1968 года, добавлю я). Но повторю: почему восточноевропейцы (поляки, венгры, хорваты, сербы) иначе относятся к мигрантам, чем британцы, французы, немцы и шведы? Почему они не готовы добровольно класть голову под топор? А ведь по Польше, Венгрии и бывшей Югославии каток двух мировых войн прошёл куда более жестоко, чем по Великобритании, Франции, где коллаборационистов было намного больше, чем участников движения Сопротивления, и уж тем более — по странам Скандинавии, с их симпатией к Третьему рейху.

Ослабление патриотизма в Западной Европе — результат целенаправленной политики атлантистских правительств, т.е. глобалистов. Евросоюзу нации не нужны, а следовательно — не нужен патриотизм. Нужен мозаичный мир меньшинств с двойной-тройной идентичностью (региональной, гомосексуальной и т.п.) и смешанное в расово-этническом плане население. Я уже упоминал де Маранша и переговоры о туннеле под Гибралтаром для облегчения переброски мигрантов из Африки в Европу. Значит, решались прежде всего не

экономические задачи. Все разговоры о том, что главное в приглашении мигрантов из Азии и Африки — решение проблемы нехватки рабочей силы, — во многом лживы и побужаются простым аргументом: почему бы не пригласить безработную молодёжь из Испании, Португалии и Греции, т.е. с юга самой же Европы? Молодёжь, которая относительно образована, укоренена в местной традиции и, в отличие от афганцев, арабов и негров, хочет работать.

Итак, главная причина ослабления патриотизма в Западной и Центральной ("атлантистской") Европе — целенаправленный информационно-пропагандистский и политико-экономический курс. Обратим внимание на то, что жёсткое отношение к мигрантам и проблеме миграции вообще, несмотря на давление со стороны "бросовельских клерков", демонстрируют бывшие социалистические страны, где помимо интернационализма, власти активно развивали социалистический патриотизм, и этого наследия, этой "закладки" хватает до сих пор. Это видно даже на контрасте между восточной (бывшая ГДР) и западной частями Германии: и отношение к мигрантам разное, и готовность сопротивляться, и число мечетей — всё разное. Можно сказать, что энергетика именно ушедших в прошлое социализма и социстемия становится для тех восточноевропейцев, которые не готовы "идти со своей верёвкой" в обще-чёрный "рай" постзападной Европы, дополнительным фактором сопротивления и позволит востоку Европы, особенно в случае поворота в сторону России, избежать многих неприятностей.

По мнению ряда аналитиков, на западе Европы европейский образ жизни, культура и мировоззрение могут сохраниться в сельских районах, куда мигранты вовсе не стремятся. Полагаю, такой вариант может реализоваться, например, в горных районах Шотландии, Испании, Швейцарии, Германии, Австрии или в регионах, имеющих естественно-природную защиту. Все иные регионы — готовые зоны для действий карателей и мародёров из городов-помоек, в которые превращаются места скопления мигрантов, не желающих работать. Разумеется, далеко не все мигранты не хотят работать, но, как показывают исследования, их меньшинство. Многие европейские мусульмане более охотно едут воевать на стороне ИГИЛ (террористическая организация, запрещённая в России — **ред.**) или других организаций подобного типа. Ну и остаётся открытым вопрос: способен ли нынешний европеец, живущий в своём не только пострелигиозном, но также постсоветском и постнациональном (сплошной "пост-жизни" после смерти) мире хоть к какому-то сопротивлению? Итог размышлений честных и серьёзных европейских аналитиков по вопросу миграции и будущего Европы одновременно и трагичен, и досаден: они исключают вариант "мягкой посадки" в решении кризиса мигрантов. "Какжется, у европейцев нет достойных ответов на вопрос будущего, — констатирует Дуглас Муррей. — И имеющийся ответ (по поводу будущего. — **А.Ф.**) таков: как будет нанесён фатальный удар". Похоже на правду, особенно если учесть, что часть замбирированных евросоюзниковской пропаганды немцев (и других европейцев) клеимит движение ПЕГИДА и выходит в поддержку ультраправой организации Меркель. Получается, как в стихотворении В.Я. Брюсова "Грядущие гунны!": "Но вас, кто меня уничтожит, / Встречайте приветственным гимном".

Смотрите, кто пришёл — гунны. Когда-то, во время войны, британцы называли немцев "агрессивными гуннами". Как изменились мир!

Что это? Безумие или социокультурная деменция стареющей и впдающей в маразм цивилизации?

Продолжение следует

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ — это серьёзная мировоззренческая позиция. Это не крайняя форма национализма, и речь не идёт о когда-то существовавшей партии. Это взгляд на советский этап русской истории — отличный от предыдущих.

Сначала была саморефлексия коммунистического режима. Советская мысль толковала революцию, историю, место Октябрьской революции в ходе логики мировой истории и описывала перспективу на будущее.

Дальше возник когнитивный диссонанс: социализм был упразднён, причём в одно мгновение, и страна ринулась в дикий, омерзительный и карикатурный капитализм, в котором от либерализма осталась только вседозволенность, а ответственность (как часть оригинального либерализма) осталась за бортом.

Советское описание советского периода неверно, поскольку исключало конец социализма. Либеральное описание — коммунизм как тоталитарная сущность русского народа (это руссофобская модель). Консервативное описание, монархическое, говорит о теории заговора — пришли инородцы и, пользуясь техническими средствами в романовской модели, захватили власть.

Национал-большевизм предлагает другой взгляд. Национал-большевики предлагают объяснение, исходя из логики русской истории. Они отвергают и советское, и либеральное, и монархическое описания СССР. Они предлагают русское толкование. В советском периоде выделяется нечто, что составляет специфически русскую сторону — например, стремление к справедливости, к созданию такого государства и общества, в котором сакральное не отличалось бы от профанного.

В каком-то смысле, это эсхатология — представление о рае на земле, о конце времён и царстве Святого Духа, который начинает пронизывать материю, и всё обычное становится необычным, а далёкое и божественное нисходит на землю. Ярче всего это видно у Андрея Платонова в "Чевенгуре" и "Котловане", у Хлебникова, у Клюева, у ранних национал-большевиков. Национал-большевизм был левым продолжением Серебряного века, особой версией социологии или фёдоровского учения о воскрешении мертвых, — всё это спрессовалось в русском прочтении коммунизма.

Русские увидели свои сценарии: что народ оказался в тяжёлом закреплённом положении, произошло расхождение (иммунетное, социальное, политическое) и в конце времён должно наступить восстановление справедливых пропорций, эсхатологической волшебной реальности — человек летает в космосе, создаёт магические аппараты. Это панхисхическое понимание мира, который зарылся всеобщей разлитой океанической сакральностью. Это стало русским прочтением коммунизма.

С этим был связан подъём в 20-е годы, и затем застывание "магической лавы" в новой красной империи в эпоху сталинизма. Потом застывшая империя стала рушиться и гнить. Были утрачены и первый ранний элемент эсхатологии, и второй — имперский, в форме сталинизма, — к концу 80-х модель развалилась.

Национал-большевизм не оправдывает, не прославляет и не критикует советский период — он пытается его понять и осмыслить. Создаёт теоретическое поле, чтобы ответственно осмыслить советский период. Что-то в коммунизме было всё-таки глубоко созвучно русской мечте — может, экстремистской и радикальной стороне русской идентичности.

Это не апология и не готовая доктрина — это историческая, ретроспективная позиция, чтобы поместить советский период в ткань и логику русской истории. Но это одновременно и перспективная позиция: если мы согласны с таким анализом, мы поймём, что именно в советском периоде является русским — а соответственно, ценным. Что делать: восстановить, сражаться, оправдать — или, наоборот, отбросить и покаяться?

Национал-большевизм предлагает, прежде всего, понять и "небо", и "преисподнюю" этого периода.

Концепция была нужна для понимания и толкования прошлого, выстраивания будущего. Но вместо этого в какой-то момент приобрела карикатурные формы, партию запретили.

Тем не менее, национал-большевизм своей актуальности не потерял — как метод, как взгляд на историю, как попытка оформить семантику русской истории XX века. Новая волна национал-большевизма может быть не в форме каких-то политических движений (в нашей ситуации это бессмысленно и бесполезно), но исключительно в интеллектуальном, отвлечённом академическом ключе. Это единственная платформа непротиворечивого понимания русской истории XX века.

Александр ДУГИН

Джуньетто КьЕЗА. "Мир на пороге войны", публицистика. Справки по телефону: 8 (985) 256-91-24.

МАЛЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

ФОКУС на несъёмный экспорт был задан 1 мая 2018 года президентом Российской Федерации в послании Федеральному Собранию. Однако как сегодня, в условиях санкций, можно преодолеть преимущественно сырьевую направленность экономики?

Об этом шла речь на заседании Совета Торгово-промышленной палаты (ТПП) по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России, которое прошло 27 июня. Тема заседания была обозначена следующим образом: "Фокус на несъёмный экспорт. Как должна измениться поддержка, чтобы стимулировать российские компании завоевывать новые рынки?". Мероприятие открыл вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ Дмитрий Курочкин, отметив, что ТПП, исполняя президентское поручение, подготовила свои сводные рекомендации, которые рассматривают и проблемы экспорта.

По мнению вице-президента ТПП, главным мерилом уровня конкурентоспособности российских предприятий являются их экспортные возможности. С этой целью предложено серьёзно уменьшить срок возврата НДС предприятиям-экспортерам, сократить количество документов, предоставляемых в налоговые органы для подтверждения экспортной ставки НДС. Наши эксперты считают излишне жесткими требования по возврату валютной выручки и размера существующих штрафов.

Генеральный директор АО "Алтайский завод сельскохозяйственного машиностроения" Татьяна Филидова убеждена, что российским предприятиям следует расширять своё участие в международных выставках. "Благодаря участию в выставках, мы заключаем контракты с немецкими и казахстанскими коллегами, а также поставили нашу технику в Болгарию и Молдавию. Но при этом, как отметила Филидова, РЭЦ счита-

Российский бизнес оценил возможности несъёмного экспорта

еет, что выставка прошла не результативно, если по ее окончании не было заключено поставок под кредиты. А её предприятие достоялось о прямых поставках за деньги, без привлечения кредитного капитала. Подобную установку РЭЦ трудно считать оправданной.

Анатолий Волкомин, гендиректор АО "Литфарм", работающего в сфере литейных технологий, отметил, что для высокотехнологического экспорта мало сделать качественную продукцию — ей необходимо обеспечить патентную защиту за рубежом. Однако сейчас в России патенты стоят слишком дорого: это затраты в миллионы рублей. "Нужны кардинальные изменения патентования... Настоящий экспорт — это ил китайский вариант, когда мы заваливаем рынок морем дешёвых товаров, или торговля запатентованной высокотехнологичной продукцией", — отметил Анатолий Волкомин: "У нас же нет ни того, ни другого.

Китайцы могут закупить два образца нашей техники, а затем сделать свои аналоги и продавать по всему миру! Российская продукция должна быть патентно защищена".

Председатель Совета ТПП по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России Константин Бабкин отметил, что не во всех регионах нашей страны сегодня можно производить товары на экспорт. Например, в Иркутской области электричество стоит в 4 раза дороже, кредиты в 8 раз дороже, налог на землю в Сибири значительно выше, чем в соседних странах". В подобных условиях ни о каком экспорте не может быть и речи. Однако страна, убежден Бабкин, должна смотреть в будущее, используя любые возможности для роста несъёмного экспорта. В том числе — организационные.

В качестве примера докладчик привёл работу Российского экспортного центра (РЭЦ), созданного в 2014 году, которая приносит положительные результаты, — в том числе, по экспорту сельскохозяйственной техники. Но в целом, к сожалению, пока российский экспорт остаётся преимущественно сырьевым, и "эту ситуацию надо исправлять не за счёт подавления экспорта

сырья, а за счёт развития промышленного и аграрного экспорта", — отметил Константин Бабкин. По его мнению, к сложившейся ситуации привело отсутствие единой государственной идеологии, направленной на развитие высокотехнологичной продукции.

Для изменения ситуации ТПП предлагает отменить принцип безубыточности при страховании экспортных сделок. "Экспортные агентства — планово убыточные, и государству стоит часть внешнеторговых рисков взять на себя", — утверждает Константин Бабкин. — У нас этот механизм пока в зачаточном состоянии". По его мнению, необходимо максимально связывать поставки импортных товаров в РФ с обязательствами импортёров по встречным закупкам российской продукции обрабатывающих отраслей, а торговцев РФ должны отслеживать диспропорции и обязывать наших партнёров заключать контракты на закупку российских товаров. Так, например, из Марокко на российский рынок поставятся цитрусовые примерно на 200 млн. долл. в год, но сами марокканцы покупают очень мало российской продукции.

После заседания Константин Бабкин ответил на вопросы нашего корреспондента.

"ЗАВТРА". Есть ли у России шансы уже в ближайшие годы добиться темпов экономического развития выше среднемировых?

Константин БАБКИН. Должны помечтаться приоритеты экономической политики. Если это случится и появится система по-настоящему эффективной экономической политики — да, всё возможно.

"ЗАВТРА". Видимо, то же самое касается и поставленной президентом России задачи в течение шести лет удвоить объём несъёмного экспорта?

Константин БАБКИН. Да, и здесь свою роль должен сыграть не только государственный сектор, сконцентрированный в традиционно лидирующих сегментах оборонной, космической и атомной промышленности, но и частный бизнес, действующий в сфере инновационных технологий, создающий рабочие места с высокой добавленной стоимостью — разумеется, в координации с интересами государства и общества.

Материал подготовил Герман ПАРЛО